

«Рогъволодъ пришед изъ заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ, а Турыи Турове»: о роли скандинавов в развитии государственности на белорусских землях*

М. Н. Самонова,
аспирант РИВШ

При изучении раннесредневековой истории Беларуси основное внимание традиционно уделяется вопросам политического, социально-экономического и культурного развития первых государственных образований на белорусских землях – Полоцкого и Туровского княжеств, а также их взаимоотношениям с киевскими князьями, стоявшими во главе Древнерусского государства. Такой подход является вполне логичным и обоснованным. Однако необходимо учитывать, что в раннесредневековый период земли современной Беларуси являлись неотъемлемой частью культурно-исторической общности восточных славян – Древней Руси – цивилизации, в зарождении и развитии которой огромную роль играли внешние связи и коммуникации со Скандинавией, Византийской империей, Хазарским каганатом, Арабским халифатом и др.

Особое значение в развитии Древней Руси и белорусских земель как ее составной части имели связи со Скандинавией и Византией, осуществлявшиеся по пути «из варяг в греки». В данном контексте в культурно-исторической атрибуции Древней Руси применяется введенная российским академиком Д. С. Лихачёвым ее характеристика как «Скандовизантии» или «Скандославии» [1, с. 113–114]. Это определение воплощает признание взаимодействия скандинавского и византийского государственно-политического и культурного влияний на возникновение Древней Руси. В белорусской историографии профессор И. А. Марзалюк характеризует IX–X вв. в развитии социокультурных процессов на белорусских землях как период славяно-скандинавского синтеза [2, с. 205].

Появление скандинавов в Восточной Европе было одним из проявлений широкой экспансии викингов, как в соседние, так и дальние земли и страны. Викингами называли в Скандинавии тех воинов, которые принимали участие в военных и грабительских походах, торговых экспедициях. В Западной Европе они были известны как норманны, на Руси их называли варягами. Для определения значения взаимодействия со скандинавами в раннесредневековой истории белорусских земель необходимо обратиться к анализу комплекса источников, включающему как древнерусские, так и зарубежные письменные памятники.

Белорусские земли и Каганат русов. Самое раннее сообщение о Руси, а точнее первое упоминание в источниках этнонима Рос (Rhos), содержится в «Бертинских анналах», написанных в IX в. на латинском языке на севере Франции. В одной из записей анналов под 839 г. сообщается о прибытии ко двору франкского императора Людовика I Благочестивого посольства византийского императора Феофила II, который «прислал также ... некоторых людей, утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к нему (Феофилу), как они уверяли, ради дружбы... Тщательно расследовав [цели] их прибытия, император (Людовик) узнал, что они из народа шведов (Sueones)» [3, с. 288]. Следует подчеркнуть значимость первой письменной фиксации термина, обозначавшего Русь, не только для российской, но и для белорусской истории, поскольку в названии нашей страны, именно корень «русь» является ключевым. Сообщение «Бертинских анналов» имеет огромное значение для изучения скандинаво-славянского взаимодействия и его связи с зарождением древнерусской государственности. Оно является основанием для предположения о существовании в Восточной Европе в 30-е гг. IX в. раннего государственного образования, которое в историографии принято обозначать как «Русский каганат» («Каганат русов»). Хронист «Бертинских анналов» указывает на этническую принадлежность росов – они шведы, свеи (Sueones). Анализ данного известия позволяет говорить об активном участии скандинавов в социально-политических и экономических процессах зарождения древнерусской государственности уже в первой половине IX в., связанных с деятельностью Ка-

* Прадстаўлена навуковым кіраўніком кандыдатам гістарычных навук А. В. Мартынюком.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.06.2012.

ганата русов. Во главе этой военно-политической структуры стояла скандинавская элита, лидер которой принял титул кагана. Возникновение и функционирование этого политического образования в значительной степени зависело от признания скандинавов элитой местного восточнославянского, финно-угорского и балтского населения и установления договорных отношений с ее лидерами.

Географическое положение белорусских земель и разветвленная сеть водных путей, ведущих к Балтийскому морю, подразумевает их частичное включение в сферу влияния Русского каганата. Это находит подтверждение и в имеющихся на белорусских землях кладах арабского серебра, датируемых в пределах IX в. [5]. Восточноевропейские клады арабского серебра являются показателем не только транзитной торговли между Востоком, Балтикой и Скандинавией, но и торговых контактов восточнославянских племен с Хазарским каганатом и другими восточными странами. К белорусским землям (к территории радимичей) относится Коселяцкий клад. В «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под 885 г. упоминается, что радимичи до подчинения русскому князю Олегу платили дань хазарам монетами [6, с. 14].

Каганат русов оказался непрочным образованием. Его падение произошло после середины IX в., поскольку еще в 860 г. русы совершили поход на Константинополь. Распад каганата был связан с ударами вновь прибывающих скандинавов на севере и давлением хазар на юге. Однако главной причиной его гибели стала конфронтация с восточнославянским и финно-угорским населением. Отголоски событий, связанных с падением каганата, были запечатлены ПВЛ в статьях, помещенных под 859 г. и 862 г. Необходимо учитывать, что летописная хронология IX – середины X вв. условна, поскольку была сконструирована сводчиками и редакторами летописей. Восточнославянские племена – словене и кривичи, а также финно-угорские – чудь, меря и весь находились в даннической зависимости от Каганата русов, т. е. летописных варягов. Хазары взимали дань с полян, северян и вятичей. Под 862 г. в ПВЛ сообщается об отказе подвластных племен платить дань варягам и изгнании их «за море», что и являлось летописным отражением падения Русского каганата. Кроме того, летописные сведения указывают на существование на севере Восточной Европы довольно сильного объединения восточнославянских (словене, кривичи) и финно-угорских племен (чудь, меря, весь), которое в историографии именуют «северной конфедерацией племен» или Северной Русью. Полочане, учитывая их принадлежность к этнической общности кривичей и географическое положение в близости от Балтийского моря, вероятно, также входили в эту славяно-финскую конфедерацию Северной Руси.

Кривичи, дреговичи и радимичи в Древнерусском государстве. Северная Русь оформилась как государственное образование при активном участии новой волны выходцев из Скандинавии. Отправным пунктом данного процесса по хронологии ПВЛ стал 862 г., когда на княжение в земли славян и финнов был призван варяжский князь Рюрик со своими братьями, что стало

следующим за Каганатом русов этапом формирования древнерусской государственности. В контексте этих знаковых для восточнославянской истории событий впервые называется Полоцк [6, с. 13].

Выход Полоцка на историческую арену был связан с включением скандинавов в процесс государственного строительства на землях восточных славян и финнов. Это включение стало возможным благодаря взаимному интересу друг в друге местной элиты и пришлых скандинавских князей, что было закреплено на договорной основе и отразилось в летописи в сказании о призвании варягов.

Заключительный этап формирования территориальной основы Древнерусского государства произошел при приемнике Рюрика – Олеге. Согласно хронологии ПВЛ в 882 г. Олег совершил большой поход вниз по Днепру, в земли, находившиеся в зоне влияния Хазарского каганата. Результатом этого похода стало включение в состав Древнерусского государства восточнославянских племен полян, древлян, северян и радимичей. Таким образом, Олегу удалось объединить основные восточнославянские объединения в одно государственное образование, новым центром которого стал Киев [6, с. 14]. Это объединение произошло благодаря сильному скандинавскому военному контингенту, возглавляемому представителями скандинавской по происхождению княжеской династии Рюриковичей. Преобладание скандинавов в составе элиты Древнерусского государства в IX – середине X вв. отразилось в независимых друг от друга письменных источниках западноевропейского («Бертинские анналы», «Салернская хроника», «Венецианская хроника»), византийского («Об управлении империей»), договоры Руси с греками 911 г. и 944 г.), арабо-персидского происхождения (сочинения Ибн Русте, Ибн Фадлана).

Наиболее ранними источниками, характеризующими этнополитическую структуру Древней Руси в X в., являются договоры Руси с греками 911 г., 944 г. и трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (948–952 гг.). В данных источниках также содержатся сведения о белорусских землях – упоминается Полоцк, славянские племена кривичей, дреговичей и радимичей, территория расселения которых находилась на землях современной Беларуси. Особого внимания заслуживают упоминания в ПВЛ кривичей, радимичей, а также Полоцка в контексте русско-византийских договоров, которые сохранились в летописи как славянские переводы византийских актов. Среди участников похода киевского князя Олега на Константинополь в 907 г. названы кривичи и радимичи. В этой же летописной статье упоминается Полоцк, которому полагалась часть византийской дани как одному из городов, в котором правил подвластный Олегу князь [6, с. 17].

В 944 г. состоялся еще один поход русов на Византию, но уже под предводительством киевского князя Игоря. Среди восточнославянских племен, участвовавших в походе, названы кривичи, но уже не упомянуты радимичи. В тексте договора не упомянут также и По-

лоцк [6, с. 23–24]. Договоры 911 и 944 гг. дают вполне ясное представление об этническом составе политической элиты Древнерусского государства. Большинство имен в текстах договоров, включая имена русских князей и их послов, скандинавского происхождения [7, с. 220–222]. Анализ сведений ПВЛ не позволяет говорить об установлении к середине X в. прочной территориально-политической связи полоцких кривичей и радимичей с Киевом и формировании устойчивой и непосредственной зависимости этих восточнославянских общностей от власти русских князей. Более того, в летописи отсутствуют сведения о включении дреговичей в политическую зависимость от Древнерусского государства. Хотя в недатированной части ПВЛ дреговичи названы среди наиболее сильных восточнославянских племен, имевших свое княжение [6, с. 10].

Первое достоверное свидетельство письменных источников о характере взаимоотношений скандинавов, входивших в середине X в. в правящую элиту Древнерусского государства, с восточнославянским населением белорусских земель содержится в сочинении «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Византийский император сообщает следующие сведения: *«Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется "кружением", а именно – в Славинии вервианов (древлян), друговитов (дреговичей), кривичей, севернее (северян) и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они основывают [их] и отправляются в Романию»* [3, с. 97–98].

В сочинении Константина Багрянородного различается Русь со столицей в Киеве и «внешняя» Русь – территория, подвластная «архонту» Руси – киевскому князю Игорю. Восточнославянские общности кривичей и дреговичей, а также древлян, северян и др. (так называемые «Славинии») в середине X в. находились в даннических отношениях с Древнерусским государством, центрами которого были Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород, а столицей – Киев. Сведения о Руси, приводимые Константином, не указывают на то, что именно полоцкие кривичи были «пактиотами» (данниками) киевских «росов», поскольку в трактате упомянут Смоленск, находившийся, как известно, в землях днепровских кривичей. Критический разбор летописной фиксации русско-византийских договоров и сведений Константина Багрянородного дает основания предположить, что в середине X в. полоцкие кривичи не имели тесной политической связи с Киевом, предполагавшей их подчинение русским князьям.

Скандинавы в истории Полоцкого и Туровского княжеств. Преобразование территориально-политической структуры Древнерусского государства, предполагавшее ликвидацию власти местных князей, происходило в правление Ольги и ее сына Святослава Игоревича (945–972). При Ольге, а именно после убийства древля-

нами в 945 г. ее мужа – русского князя Игоря, начался процесс ликвидации имевших внутреннюю автономию «Славиний» древлян, дреговичей, кривичей, северян и других и установления прямой власти Рюриковичей над восточнославянскими объединениями. Ольге прежде всего было необходимо восстановить авторитет Рюриковичей и Киева – подчинить древлян. Данной ситуацией могли вполне воспользоваться прибывшие на Русь из Скандинавии Рогволод и Тур, которым удалось закрепиться в Полоцке и Турове. Таким образом, белорусские земли, а именно племенные княжения полоцких кривичей и дреговичей, усилившиеся во второй половине X в. благодаря приходу к власти князей скандинавского происхождения, смогли сохранить политическую независимость от киевских Рюриковичей.

Наиболее ранний древнерусский источник, в котором под 980 г. упоминаются первые независимые правители Полоцка и Турова – князья Рогволод и Тур и дается указание на их скандинавское происхождение («изъ заморья»), – Начальный летописный свод конца XI в., сохранившийся в Новгородской первой летописи младшего извода. Аналогичные сведения о Рогволоде и Туре содержатся в статье ПВЛ 980 г. [6, с. 36]. Наличие сведений о Рогволоде и Туре как полновластных князьях Полоцка и Турова в двух главных древнерусских летописях является свидетельством их достоверности.

Имена Рогволод, Тур и Рогнеда большинство ученых трактуют как славянизированные формы характерных для Скандинавии эпохи викингов имен Ragnvaldr, Þórir и Ragnheiðr/Ragnhildr. Имя Ragnvaldr имеет примечательную этимологию, которая свидетельствует о его принадлежности к именам, характерным для элиты древнескандинавского общества. Имя является составным, включающим две основы германского происхождения. Как элемент имени основа «ragin» в древнескандинавском языке имеет значение «власти», «божественные силы». «Valdr» означает «правитель» [8, с. 178–179]. Значение имени Ragnvaldr указывает на то, что его обладателем мог быть только представитель знатного и могущественного рода, обладающего властью. Имя основателя Турова многие ученые возводят к древнескандинавскому имени Þórir (Е. А. Мельникова, В. Дучко), которое с эпохи викингов ассоциировалось с именем одного из главных скандинавских языческих богов Тора (Þótt). Заметим, что в скандинавских языках названные имена произносятся как «Турир» и «Тур», что также соответствует и летописным формам «Туры» (Лаврентьевский список) и «Турь» (Ипатьевский список). Важной в плане изучения связи и соотношения имен Турир и Рёгнвальд является информация о роде ярлов Мёра, содержащаяся в «Саге о Харальде Прекрасноволосом» из «Круга Земного» [9, с. 54–55]. Мёр – это историческая область в северной части Западной Норвегии, на побережье Атлантики. В роду ярлов Мёра было два представителя с именами Рёгнвальд и Турир – отец и сын соответственно. Ярл Мёра Рёгнвальд Эйстейнссон был ближайшим соратником Харальда Прекрасноволосого, первого норвежского конунга, объединившего под своей властью всю страну и правившего приблизительно с

863 г. по 930 г. Анализ древнескандинавских источников позволяет предположить, что Рогволод и Тур были выходцами из высшей племенной норвежской или шведской знати. Наиболее вероятной версией их происхождения является род норвежских ярлов из Мёра. Они могли являться внуками или правнуками Рёгнвальда Эйстейнссона.

Утверждение власти Рогволода в Полоцке стало основанием для выделения Полоцкого княжества в составе Древнерусского государства. Аналогичная ситуация с приходом скандинавского князя имела место в Турове, что содействовало образованию Туровского княжества. Радимичи не сумели собственными силами создать свое княжество, и их территория в 984 г. была окончательно закреплена в составе Древнерусского государства как непосредственное владение киевского князя.

Судя по летописным известиям о междоусобицах Святославичей (Ярополка, Олега и Владимиро), Полоцкое княжество выступало как независимое государственное образование, в котором единолично правил Рогволод. О политической самостоятельности Полоцкого княжества говорит и то обстоятельство, что к заключению союза с Рогволодом стремились оба Рюриковича – и Владимир и Ярополк. Рогволод поддержал киевского князя Ярополка, одобрив его брак со своей дочерью Рогнедой, что привело к нападению Владимира на Полоцк. Вероятно, что Тур был союзником полоцкого князя и поэтому после убийства Рогволода Владимиром и подчинением Полоцка власти Киева Тур также был устранен, а Туров перешел под непосредственную власть киевского князя. Это объясняет, почему князь Тур после первого и единственного упоминания под 980 г. бесследно исчезает со страниц летописей. Таким образом, в конце X в. все белорусские земли, включая Полоцкое и Туровское княжества, а также радимичи были подчинены Владимиром Святославичем (980–1015) и вошли в состав Древнерусского государства, возглавляемого династией Рюриковичей.

Повествование о сватовстве Владимира к Рогнеде повторяется в Лаврентьевской летописи под 1128 г. Появляется рассказ о попытке отмщения Рогнеды Владимиру за смерть отца и пренебрежение к ней. В семейный конфликт оказался втянутым и Изяслав – старший сын Рогнеды и Владимира, который заступился за мать. По совету своих бояр Владимир отправил Рогнеду и Изяслава в ее отчину. Это означало, что Рогнеда была восстановлена в правах на отцовское наследство и вместе с Изяславом вступила в права владения своей родовой собственностью – Полоцким княжеством. Такое решение киевского князя можно интерпретировать в контексте скандинавских правовых обычаев. В Скандинавии женщины, ближайšie родственницы по отцовской линии – дочь или сестра отца, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола, получали законное право наследовать одаль – родовое земельное владение [10, с. 53–54]. В соответствии с родовыми традициями, которых придерживалось скандинавское окружение Владимира, попытка мести Рогнеды за убийство отца была полностью оправдана. Справедливым возмещени-

ем за смерть Рогволода стало возвращение Рогнеде и ее сыну прав обладания одалем (в древнерусской терминологии – «отчиной») – Полоцком. Вступление Изяслава в права владения наследством Рогволода означало, что сын Рогнеды и Владимира стал продолжателем рода Рогволода, благодаря чему в Полоцке уже в конце X в. оформилась своя княжеская династия Рогволодовичей-Изяславичей.

Таким образом, уже с самого начала своего существования Полоцкое княжество занимало совершенно особое место в государственно-политической структуре Древней Руси, обусловленное закреплением Полоцка как родового владения – «отчины» за собственной, скандинавской по происхождению ее родоначальника, княжеской династией Рогволодовичей-Изяславичей.

Иными словами, одним из оснований политической самостоятельности Полоцкого княжества в составе Древнерусского государства стал «скандинавский фактор».

В XI в. Полоцк продолжал успешно конкурировать с главными политическими центрами Древней Руси – Киевом и Новгородом. Восстановлению суверенитета Полоцка способствовала династическая борьба между сыновьями Владимира. Полоцкий князь Брячислав Изяславич (1003–1044) умело воспользовался междоусобицами Владимировичей в интересах своего княжества. Основным претендентом на власть в Киеве Ярослав Мудрый в обмен на поддержку Полоцкого княжества признал его полную политическую независимость. Подтверждением политической самостоятельности Полоцка является передача Ярославом в 1021 г. Витебска и Усвята во владения Брячислава. Альтернативный древнерусским источникам взгляд на внутривосточную борьбу на Руси после смерти киевского князя Владимира Святославича представлен в «Саге об Эймунде» [11]. Скандинавская сага изображает Полоцк как один из трех главных древнерусских государственных центров, где правит независимый от Киева и Новгорода князь Брячислав. Показателем высокого статуса и политико-экономического потенциала Полоцкого княжества в составе Древнерусского государства стал переход скандинавских наемников под предводительством Эймунда от Ярослава на службу к Брячиславу. Присутствие варягов в войске полоцкого князя и их участие в походе Брячислава на Новгород подкрепляется сообщением польского историка Яна Длугоша [12, с. 245].

Итак, комплексный анализ письменных источников свидетельствует об активном участии скандинавов в государствообразующих процессах на территории Древней Руси и белорусских землях как ее составной части. Одним из основных факторов в развитии государственности на белорусских землях стал «скандинавский фактор», выразившийся в обособлении Полоцкого княжества в составе Древней Руси, утверждении в нем власти княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей и укреплении политической самостоятельности Полоцка в первой половине XI в. С конца X в. представители скандинавской по происхождению общерусской династии Рюриковичей и ее полоцкого ответвления Рогволодо-

вичей-Изяславичей, а также политическая элита Руси стали выразителями интересов восточнославянского общества и государства. В XI в. древнерусские князья, в том числе и полоцкие, контролировали и регулировали движение скандинавов в Восточную Европу и активно использовали скандинавские наемные отряды варягов для достижения своих политических целей.

Список литературы

1. Лихачёв, Д. С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России / Д. С. Лихачёв // Новый мир. – 1994. – № 6. – С. 113–120.
2. Марзалюк, І. А. Да пытання аб пераходзе культуры на землях Беларусі ў IX – першай палове XVII ст. / І. А. Марзалюк // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэсп. навук. канф.: у 4 ч. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі [і інш.]; рэдкал.: І. П. Крэнь (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2003. – Ч. 1. – С. 205–208.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учебное пособие для студентов вузов / М. В. Бибииков [и др.]; под ред. Е. А. Мельниковой. – М., 1999. – 608 с.
4. Франклин, С. Начало Руси 750–1200 / С. Франклин, Д. Шепард; под ред. Д.М. Буланина. – СПб., 2000. – 624 с.

5. Рябцевич, В. Н. Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) / В. Н. Рябцевич // Славяне и их соседи: археология, нумизматика и этнология. – Минск, 1998. – С. 66–80.

6. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд. – СПб., 1996. – 667 с.

7. Ловмянский, Х. Русь и норманны: пер. с пол. / Х. Ловмянский; под общ. ред. В. Т. Пашуто [и др.]; вступ. ст. В. Т. Пашуто. – М., 1985. – 304 с.

8. Peterson, L. Nordiskt runnamnslexikon / L. Peterson. – Uppsala, 2007. – 344 s.

9. Стурлусон, С. Круг земной (Heimskringla) / А. Я. Гуревич [и др.]; отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. – М., 1980. – 687 с.

10. Гуревич, А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье / А. Я. Гуревич. – М., 1977. – 337 с.

11. «Прядь об Эймунде» // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон [и др.]. – М., 2009. – Т. V: Древнескандинавские источники. – С. 121–138.

12. Щавелева, Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): текст, пер., коммент. / Н. И. Щавелева. – М., 2004. – 495 с.

Аннотация

В 2012 г. исполняется 1150 лет со времени первого летописного упоминания Полоцка. Полоцк впервые упоминается в «Повести временных лет» под 862 г. в прямой связи с государственной деятельностью первого русского князя Рюрика, скандинава по происхождению. Сведения древнерусских летописей о начале Руси и варягах предопределили актуальность исследования вопроса о роли скандинавов в становлении Древнерусского государства. Принадлежность белорусских земель к древнерусской культурно-исторической общности также делает важным изучение скандинаво-славянского взаимодействия и его влияния на развитие государственности на белорусских землях в IX–XI вв.

Summary

In 2012 it is celebrated 1150 years since the first historical mention of Polotsk. Polotsk was first mentioned in «The Tale of Bygone Years» in 862 in direct connection with the political activities of the first Old Rus' prince Rurik who was a Scandinavian in origin. The accounts of Old Rus' chronicles about the beginning of Rus and Varangians determined the relevance of studies on the role of Scandinavians in the development of Old Rus' state. The belonging of the Belarusian lands to Old Rus' cultural and historical unity also makes it important to study the Scandinavian-Slavic interaction and its influence on the development of statehood in territory of Belarus in the 9th–11th centuries.

ГУО «Республиканский институт высшей школы»

Редакционно-издательский центр предлагает

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

ISSN 2079-1488

Информацию о реализуемой учебной и методической литературе можно посмотреть на сайте www.nihe.by.
Заказы принимаются по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская, 15, к. 109, тел./факс 213 14 20.